

Пока она шла, на сердце у Цзы Ю было немного неудобно. Испытующие взгляды бабушки и дяди, многозначительная улыбка тёти заставили её сердце упасть. Это было немного похоже на вора, пойманного на месте преступления.

Она могла не обращать внимания на злобный взгляд Ван И Пина и её молчаливое осуждение, но не могла оставаться спокойной перед бабушкой и дядей.

Если они узнают, что всё сегодняшнее было тщательно разработанным планом, чтобы справиться с Ван И Пин, будут ли они разочарованы в ней? В конце концов, она была всего лишь двенадцатилетним ребёнком. Но её ум был настолько злым и презренным, что люди действительно не смогли бы принять её.

Но если она этого не сделает, то погибнет именно она. Даже если она умрёт, это не имеет значения, но как насчёт бабушки, дяди, тёти и её двоюродных братьев?

Ради её близких, Цзы Ю, ты не можешь быть мягкосердечной. Бодхисаттва Кшитигарбха сказал: "Если я не попаду в ад, то кто же это попадёт? Тогда отпусти меня к чёрту."

Цзы Ю стиснула зубы, и её шаги по направлению к кабинету Му Ин Руя стали твёрже.

Му Ин Руи внёс Шуй Юлиан в кабинет. Он положил её на кровать, на которой обычно отдыхал.

Шуй Юлиан лежала на кровати с чуть прикрытыми глазами и чуть приоткрытыми губами. Она беспрестанно задыхалась. Её тело дрожало, как слабые и беспомощные листья на ветру. Пара длинных ресниц, как ряд вееров, выступала из-под её век.

Две маленькие слезинки, похожие на кристально чистые кристаллы, застыли на белой, как снег, коже её маленького лица.

Поскольку они находились в непосредственной близости друг от друга, из её рта доносился слабый запах свежей мяты.

Пара снежных вершин, плотно связанных под полупрозрачным красным сари, была едва различима. Они колыхались вверх и вниз от её прерывистого дыхания, как пара огненно-красных шаров.